

Иван ГОБЗЕВ

В МЕДВЕЖЬЮ ПУРТУ КАМНИ ТРЕСКАЮТСЯ

Юрий Алотов – один из заметных представителей корякской поэзии, поэт неоднозначный и сложный. Правда, коряк он только по матери, отец его – украинец, но детство и юность он провёл среди оленеводов. Итак, Юрий Алотов, метис, выросший в селе Воямполка среди чавчуменов – кочевых коряков.

Воспитанный на устных преданиях и сказаниях, в традициях своего племени, он не мог быть далёким от песни и мелодии – пожалуй, основных элементов исконного корякского творчества. Врождённая музыкальность выразилась в другой стороне его таланта, таланте барда. Алотов исполняет песни под гитару и бубен, на собственные музыку и стихи.

Содержание его поэзии многогранно. Он поднимает и философские темы, и социальные, и сочиняет шутливые песни, и приближается к проблемам политики. Но какую бы тему Алотов ни затронул, всюду видна одна и та же основа – мировоззрение его народа и родная природа, в которой он вырос. Нельзя забывать, что для коренных племён образ жизни, восприятие себя неразрывно взаимосвязаны с окружающей их природой. Подобная мифологичность сознания характерна и для Алотова.

На становление Алотова как певца и поэта сильное влияние оказал дед Алот, заставлявший внука с детства слушать его песни. С дедом связан интересный случай, в юном возрасте поразивший будущего поэта. Однажды дед собрался по своему обыкновению исполнять песни. А пел он очень громко и выразительно. И вот он посадил маленького Юру между двух камней, а сам запел. Вскоре от его пения камни по сторонам от Юры треснули. Сам Юра, к счастью, при этом не пострадал. Для Юрия Алотова случай с дедом стал символом эмоциональной, в чём-то мистической силы песен, и целью собственных поэтических стремлений – творить так, чтобы камни трескались от слов. Вероятно,

этим объясняется чрезвычайная смелость образов в стихотворениях поэта.

Действительно, в его стихах нередко можно встретить удивительные сравнения:

*Корона Светила
Больной сукровицей
Из туч исходила
И загнанной птицей
Под небом металась,
И вдруг растекалась
Багровою пудрой.*

Есть и такое:

*Но за спиной опалённую мышью заря
Шепчет в затылок обиженным словом: «Всё зря!»*

Или:

*В ленивом кедровнике вечер
Пугливой залёг куропаткой.
Но месяц лукавой повадкой
По следу пустил звёзды-свечи.*

Тут можно, конечно, придираться и критиковать Алотова, не разобравшись. Как это, спросит читатель, заря шепчет в затылок, да ещё делает это опалённой мышью? Картина фантастическая и страшная. В другом стихотворении встречается «Большая сукровица» короны светила, и даже не хочется представлять, что это такое, к тому же она и пудра, которая почему-то растекается. Что общего, дальше спросит читатель, между вечером и куропаткой, пугливой и в ленивом кедровнике? А месяц, пускающий что-то лукавой повадкой?

А всё почему? А потому, что читатель должен понимать – корякская поэзия своеобразна и ещё молода, и в ней не столь важна техника и точность метафор, сколько принадлежность к первобытному мировоззрению. Мы же не судим наскальную живопись теми же мерками, что и, скажем, Леонардо да Винчи. Корякская поэзия пока ещё находится в становлении, хотя она и подарила нам уже состоявшихся поэтов – например, Владимира Коянто.

С другой стороны, нельзя исключать возможность, что на реке Воямполка, где вырос Юрий Алотов, заря действительно напоми-

нает опалённую мышь. К примеру, творчество Габриэля Маркеса часто производит на европейского читателя впечатление мистического, таинственного, необыкновенного, в то время как на его родине, в Колумбии, оно воспринимается вполне прозаичным и лишённым чего-то чудесного. Объясняется это тем, что он описывает реалии, характерные для мировосприятия колумбийцев, но потусторонние европейскому художественному сознанию.

Так или иначе, являются ли образы Алотова признаком поэтической неопытности, или же наше непонимание этих образов признаком нашей недалёкости, в данном случае всё это несущественно.

Важно, что коряки, как и другие северные народы, к Алотову прислушиваются и признают его, а значит, он заслужил право на голос. Он предстал выразителем не только культуры родных коряков, но и эвенской культуры. Юрий Алотов умышленно продолжительное время провёл среди эвенов, совершенно не зная их языка, и тем не менее изучил по возможности эвенские предания и обычаи. Он настолько глубоко погрузился в эвенскую тему, что, по собственному признанию, вскоре перестал узнавать своих земляков. По итогам исследований, взяв псевдоним Этлой Камчачу, Алотов издал сборник стихов «Медвежья пурга», посвящённый культуре эвенов. Первая часть названия объясняется тем, что эвены ведут свой род от медведя. Вторую часть, слово «пурга», можно толковать по-разному, но при любой трактовке связь названия с содержанием книги сохраняется. И что парадоксально – «Медвежья пурга» местами кажется более умелой, чем стихи, написанные в корякской теме, хотя также не лишена смысловых и стилистических шероховатостей.

*Длинной палкой сухостоя
Разгребают эвен стоя
Сотворённый дом костра.
Ночи звёздная пора
Ближе к очагу присела
В ухо шёпотом пропела –
Не корми огонь дровами,
Ты меня уважь дарами:
Съешь оленя молодого,
Мне подкинь мясца сырого,
Вверх плесни оленьей крови –
Звёзды просят кровной нови.
А огонь потухнет, пусть.
Спи до утра как-нибудь,
Завтра мы продолжим путь.*

Конечно, двойственное происхождение Алотова, украинское и корякское, не могло не сказаться на его творчестве. В стихах он немало размышляет о своих корнях, пытаясь совместить две на первый взгляд несовместимые веры, два разных мировоззрения и мироощущения. Его терзает вопрос – хорошо это или плохо, является ли это знаком позитивным или отрицательным? В стихотворении «Дума метиса» Алотов говорит о себе:

*Волей чуждой, людом разным
Истрепало силу корня.
На треноге из берёзы
В древнем ложе треснул Камень.
Помесь крови чавчувенской
И пришельца здесь виною?
Нет... и веры быть шаманом,
Иль посредником Иисуса.*

По древнему корякскому поверью, если родовой камень (амулет рода) треснул, то на род вскоре должны обрушиться несчастья. Однако возможна и другая трактовка этого события. Вспомним деда поэта, который пел так, что трескались камни. В таком случае образ треснувшего родового камня противоречиво предстаёт как положительным знаком, так и негативным. Иначе говоря, поэт утверждает, что достиг мастерства деда, но за это пришлось принести жертву – гибель рода. Неполная принадлежность к своим землякам, двойная вера дала ему особую поэтическую силу, и он сумел песней расколоть камни, но, увы, в том числе и родовой – такова плата, именно потому, что он не всей душой чавчувен. Словно подтверждая эту догадку, далее в том же стихотворении Алотов заявляет:

*Ворон, ворон! Ты – мой предок!
Коли так, верни мне веру
В добродетель со слезою,
В крепость камня родового.
Быть у тундры и у неба
В услуженье нелегко мне.*

Видя столь тяжкий жребий, когда не ясно, стоит ли дар жертвы, отданной за него, хочется пожелать Юрию Алотову обрести внутреннее единство, чтобы от его песен камни не только трескались, но и срастались.